

Надежда Соколова

**Собственница усадьбы
Карантар**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С59

Соколова Н.

С59 Собственница усадьбы Карантар / Надежда Соколова. –
М.: Литнет, 2026. – 84 с.

ISBN 978-5-521-99906-4

Мне тридцать пять, и я попаданка. Попала из привычного земного мира в магический. Теперь мне нужно управлять поместьем, общаться с многочисленными родственниками и думать о благосостоянии моих крестьян. И никакая свадьба в мои планы не входила. До последнего времени...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99906-4

© Литнет, 2026

© Соколова Н., 2026

Глава 1

Пришла весна. Снег таял быстро, как и не бывало этих сугробов, что заваливали крыльцо в январе. Ещё вчера утренний морозец сковывал лужи тонким стеклом, а сегодня от него не осталось и следа. Днём капало с крыш – мерно, настойчиво, словно кто-то отбивал ритм на медных струнах. По дорожкам бежали ручьи, мутные, с крошечным прошлогодней листвы и песчинками, и воздух был наполнен той особенной свежестью, когда хочется распахнуть все окна и дышать, дышать, пока в груди не защекочет от сырости и землистого запаха прелой травы.

Я сидела в кабинете у раскрытого окна и смотрела, как с веток старого дуба падают последние комья снега. Они ударялись о землю с мягким, влажным стуком, оставляя в проталинах тёмные пятна. Дуб был моим ровесником – его посадил дед в год моего рождения, и теперь он стоял, чёрный от влаги, но уже набухающий почками на самых кончиках ветвей. Дирк принёс письмо – магический вестник, знакомый синий огонёк, – и положил на край стола, рядом с утренней чашкой. Пламя вестника потрескивало с лёгким гудением, как шмель в стеклянной банке, и постепенно гасло, оставляя на полированной поверхности пергамент.

– От лорда Эверетта, тётя Ариадна, – сказал племянник тем ровным голосом, каким докладывают о погоде или о приезде гостей. Но я заметила, как он чуть задержался у стола, будто ожидая моей реакции.

Я развернула пергамент. Почерк ровный, без излишних завитушек, но тёплый, как сам весенний день. Дамиан всегда писал так – без вычурности, но с той тщательностью, какая бывает у людей, привыкших взвешивать каждое слово. Я провела пальцами по буквам – чернила чуть впитались в рыхлую поверхность, и на ощупь пергамент казался ещё не совсем сухим.

«Ариадна,

Снег в столице почти сошёл. Я хочу, чтобы вы приехали. Не на день, не на два – поживите в моём доме столько, сколько захотите. Посмотрим, как мы ладим не в гостях, а когда всё серьёзно. Приглашение действует всегда, как только будете готовы.

Дамиан».

Я перечитала дважды, потом третий раз – медленно, останавливаясь на каждой фразе. Не в гостях, а когда всё серьёзно. Эти слова почему-то отзывались не в голове, а где-то под рёбрами, тёплым и бережным толчком. В гости ездят на час-другой, пьют чай, говорят о пустяках и уезжают. А он звал меня жить. Просто жить рядом – посмотреть, совпадут ли дни, привычки, молчание за завтраком и то, как мы будем ужинаться в малой гостиной вечерами.

Я отложила письмо. Дирк, заметив мою задумчивость, тихо спросил:

– Поедете?

– Поеду, – ответила я, и собственный голос прозвучал увереннее, чем я ожидала. – Но не сегодня. Дел ещё много.

И это была правда, а не отговорка. Весна врывалась в усадьбу не только капелью, но и хлопотами, от которых к концу дня гудело в висках. Иво уже составлял планы полевых работ – разложил на столе карту угодий, испещрённую пометками, и спорил с приказчиком о сроках сева. Марта проверяла погреба: спускалась с фонарём в каменные недра, нюхала бочки с соленьями, стучала по стенкам, выискивая плесень или отсыревшие мешки с мукой. От неё пахло известкой и сырой землёй, когда она докладывала – всё в порядке, ни одна банка не забродила.

Швейная мастерская работала с утроенной силой: дамы, заждавшиеся обновок, осаждали нас заказами. Я заглянула туда накануне – за столом сидели пять девушек, низко склонившись над шитьём, иглы мелькали так часто, что сливались в серебристую рябь. В воздухе пахло накрахмаленным льном и лёгким дымком от уют-

гов. Девушки перебирали ленты и кружева, раскладывая по цветам. Я провела пальцами по шёлку, проверяя качество, и велела закладывать на неделю вперёд – при заказе больше трёх вещей давать скидку. Мелочь, но покупательницы любили такие знаки внимания.

Но в этом шуме, в этой привычной суете я чувствовала новую ноту – ожидание. Оно не мешало работать, не отвлекало, а скорее лежало на дне сознания, как монета на дне колодца: не видно, но знаешь, что она там. Я ловила себя на том, что улыбаюсь, застёгивая пуговицы на платье, что дольше обычного задерживаю взгляд на вишнёвых ветках за окном, что голос становится мягче, когда отдаю распоряжения.

Надежда. Не конкретная, не оформленная в пункты и подпункты, а просто – лёгкое, почти детское чувство, что всё будет хорошо. Что можно перестать быть главой рода Карантар хотя бы на несколько дней. Можно просто быть Ариадной – женщиной, которая едет к своему мужчине, потому что он её позвал, и ей этого хочется.

Я ещё несколько дней разбирала отчёты, встречалась с управляющими, проверяла, как идут дела в мастерских. Каждое утро начинала с просмотра накопившихся свитков, и к середине дня пальцы пачкались чернилами, а плечи каменели от долгого сидения за столом. Веланд докладывал, что стазисные поля в катакомбах устойчивы, новые находки пока не открываются, но весной можно продолжить раскопки. Я кивала, делала пометки в журнале, но краем уха слышала, как он говорит о влажности в подземных галереях и о том, что пора менять амулеты-осветители на нижних уровнях. Теодор переводил очередной свиток из библиотеки – на этот раз о старинных травах и лекарствах. Труд был тяжёлый, архаичные символы путались, и он засиживался до полуночи, оставляя на столе горку огарков. Я принесла ему свечи из своего кабинета – у него кончились, а он постеснялся сказать.

Всё шло своим чередом. И в этой привычной череде я вдруг отчётливо поняла, что могу уехать. Что усадьба не рухнет без меня

один день, два, даже неделю. Иво разберётся с полями, Марта – с погребками, Дирк – с корреспонденцией. Я не была им нужна каждую минуту, просто привыкла думать, что нужна.

А потом я собралась. Служанки складывали сумки недолго – платье (тёмно-синее, шерстяное, с серебряной вышивкой по вороту – нарядное, но не праздничное), тёплая накидка из серого сукна, саквояж из плотной кожи, выдавший не одну поездку. Я положила туда смену белья, гребень для волос, маленькое зеркальце в медной оправе и пузырёк с настойкой от головной боли – на всякий случай. На прощание Дирк подал мне карточку-портал, и его пальцы на миг задержались на моих.

– Если что, тётя, дайте вестника. Я приду.

– Знаю, – сказала я. – Но ничего не случится.

Он улыбнулся – той редкой улыбкой, какую я видела только в минуты настоящей радости. Мы оба знали, что слова о том, что ничего не случится, – ложь. Что-то случалось всегда, но сейчас я хотела поверить в затишье.

Я решила, что в столицу поеду одна. Не для того, чтобы работать, а чтобы жить. Хотя бы несколько дней. Дирк оставался в усадьбе – он уже не мальчик, ему можно доверить дом, и он сам настоял на этом, сказав: «Вы слишком долго всё тянули одна, тётя. Теперь пусть кто-то тянет за вас».

Перед отъездом я вышла в сад. Снег почти растаял, только в тени под забором белели последние островки – грязные, ноздреватые, похожие на старый ватин. Набухшие почки на ветках обещали зелень, и если прищуриться, можно было разглядеть бледно-зелёный налёт на ивовых прутьях. Птицы щебетали – уже не робко, как в феврале, а во весь голос, споря и перекликаясь. Солнце грело по-настоящему, а не только светило: я стояла на крыльце без накидки и чувствовала, как теплеют плечи, как расходятся по спине медленные, ленивые лучи. В такую погоду даже старые раны перестают ныть. Даже мысли становятся мягче.

Я вернулась в дом, взяла карточку-портал. Тонкая пластинка из полированного чёрного дерева с гравировкой столичного адреса – Дамиан подарил её месяц назад, и я носила её во внутреннем кармане, ближе к сердцу. Магия перехода обожгла пальцы привычным холодком, и на мгновение мир сжался до точки, а потом выдохнулся обратно.

Мгновение – и я уже стояла на крыльце столичного особняка. Высокие двери из морёного дуба, знакомый узор кованых петель, запах мокрого камня и первых цветов из палисадника – там, под окнами, уже проклюнулись жёлтые головки мать-и-мачехи. Дверь открылась, будто меня ждали. Дворецкий поклонился – не чопорно, а тепло, как родне:

– Лорд Эверетт ожидает вас в малой гостиной, госпожа Карантар. Прикажете подать чай или сначала проводить вас в отведённые комнаты?

– Сначала к лорду Эверетту, – сказала я, протягивая саквояж. – Чай потом.

Я прошла по длинному коридору, мимо портретов, которые уже начинала узнавать в лицо – чопорные предки Дамиана с одинаково прямыми носами и внимательными глазами. Полы здесь были устланы мягкими дорожками, и шаги тонули в тишине. В малой гостиной горел камин – не для тепла, для уюта. Пламя негромко потрескивало, отбрасывая на стены пляшущие тени. В воздухе пахло сухими яблоневыми поленьями и лавандой – от саше, что лежали в фарфоровых вазах.

Дамиан стоял у окна и смотрел на улицу, где тоже таял снег и бежали ручьи. Он был в домашнем сюртуке тёмно-зелёного цвета, без галстука, и это мелкое нарушение этикета показалось мне важнее любых слов. Он обернулся, и я увидела в его глазах ту же надежду, что чувствовала сама. Спокойную, тёплую, без надрыва. Без той лихорадочной жадности, с какой молодые бросаются навстречу чувствам – мы оба были слишком взрослыми для такой тороп-

ливости. Это было другое: уверенное, как земля под ногами после долгой дороги.

– Вы приехали, – сказал он.

– Да, – ответила я.

И это простое слово вместило всё: и дорогу, и весну, и недели переписки, и те долгие вечера, когда я смотрела на синий огонёк вестника и думала: написать или подождать? А теперь не нужно было ни писать, ни ждать. Я была здесь.

Он шагнул ко мне, и я шагнула к нему, и между нами оставалось ещё достаточно пространства для воздушного поцелуя или лёгкого рукопожатия, но вместо этого Дамиан просто взял мою руку – крепко, сухо, без излишней нежности – и поднёс к губам. Я почувствовала тепло его пальцев сквозь тонкую ткань перчатки. Нежнее этого жеста ничего не было.

Мы стояли друг напротив друга у окна, и за спиной Дамиана таял последний снег на столичных крышах, и капель выстукивала что-то монотонное и успокаивающее. Я понимала, что весна принесла не только тепло и свет, но и что-то ещё. Что-то, чему я не давала имени, но что уже пустило корни в моём сердце – не резко, не требовательно, а так, как прорастают семена в оттаявшей земле: незаметно, а потом вдруг оказывается, что без них уже не представить сада.

Как сад, который просыпается после долгой зимы. Как надежда, которая не требует доказательств. Как жизнь, которая продолжается – просто, буднично и чудесно одновременно. И в этом было главное: я не боялась. Ни того, что будет завтра, ни того, как мы посмотрим друг на друга через неделю, когда пройдёт первая радость от встречи. Я просто стояла в малой гостиной, чувствуя тепло его руки и каминный жар, и знала – всё хорошо. Пока – хорошо. А остальное придёт следом, как весна приходит за зимой.

Ужин подали в малой столовой – той самой, где мы уже ели в мой первый приезд. Комната была меньше парадной, но оттого

уютнее: стены обшиты тёмным дубом, на них – несколько гобеленов с охотничьими сценами, вытертых до мягкой ворсистости. За окном темно, но весенние сумерки были светлыми, с сиреневым оттенком, какой бывает только в марте, когда небо ещё не потеряло зимней прозрачности, но земля уже дышит теплом. Свечи на столе горели ровно, их пламя не колыхалось, будто воздух в комнате замер в ожидании. Тяжёлые серебряные подсвечники отражались в тёмной полировке столешницы, и эти отражения казались мне маленькими окнами в другой, неподвижный мир.

– Сегодня готовили ваш любимый суп, – сказал Дамиан, когда слуга разлил по тарелкам дымящийся бульон с зеленью. Слуга двигался бесшумно, с той выученной грацией, какая бывает у старых лакеев, знающих привычки хозяина. – Я запомнил.

– Вы внимательны, – ответила я, берясь за ложку.

И это было правдой – не просто вежливостью. Я сама едва помнила, что в прошлый раз хвалила именно этот суп: лёгкий, чуть сладковатый от корня пастернака, с мелкими клёцками, которые таяли на языке. А он запомнил. Я смотрела, как пар поднимается над тарелкой, как блестит зелень – свежий укроп, что в марте ещё редкость, выращивают, наверное, в домашней оранжерее. Вкус был ровный, успокаивающий, как сам этот дом.

Мы ели молча, но это было не неловкое молчание первых встреч, а спокойное, почти домашнее. Такое молчание возможно только между людьми, которым не нужно заполнять каждую паузу словами. Я чувствовала, как усталость последних дней отпускает, как плечи сами собой расправляются, как уходит то мелкое напряжение, что всегда сидит где-то между лопатками, когда ведёшь большое хозяйство. В столице, в этом доме, я могла быть не только хозяйкой Карантара, но и просто женщиной. Не главой рода, не управляющей мастерскими, не опекуншей племянника. Просто Ариадной, которая сидит за столом напротив своего мужчины и ест суп.

Я поймала себя на том, что медлю, растягиваю удовольствие. В усадьбе я ела быстро, между делом, часто стоя или на ходу про-

сматривая счета. Здесь же никуда не надо было спешить. Суп остывал в тарелке, и я позволяла себе это – есть не торопясь, чувствуя каждый глоток.

На второе подали рыбу – нежную, с лимоном и зеленью. Белое филе легко отделялось от костей, политое маслом, в котором плавали мелкие кусочки цедры и веточки тимьяна. Дамиан рассказывал о том, как вчера ходил в театр, как встретил там старых знакомых, как скучал по тишине. Он говорил негромко, чуть склонив голову к плечу, и я заметила, что он тоже не спешит – отодвинул тарелку, оставив половину рыбы.

– Вы бы не выдержали, – заметил он, улыбнувшись. Улыбка была чуть виноватой, как у человека, который попробовал что-то не своё и понял, что зря. – Там всё слишком громко. Музыка, голоса, шум с улицы – я вышел оттуда с болью в висках.

– Я люблю тишину, – согласилась я. И подумала: а ведь он тоже любит. Может быть, даже больше меня. Мы оба были из тех, кто ценит пустоту между звуками. – Но иногда и шум полезен. Чтобы понять, как ценишь покой.

Он кивнул, и я увидела, как дрогнули его пальцы на бокале – будто он хотел что-то добавить, но передумал.

Десертом были яблоки в карамели – такие же, как в Карантаре на праздник. Я попробовала, и вкус показался мне знакомым до мелочей: тот же сорт – кисло-сладкие, с плотной мякотью, карамель чуть пригорелая, с горчинкой. У наших поваров такие же получались, и я невольно задержала ложку в воздухе.

– Ваши повара учатся у моих? – спросила я. Мне хотелось понять: случайность или намерение?

– Нет, – ответил он. Спокойно, без тени смущения, будто признавался в чём-то самом обыденном. – Это я попросил приготовить, как у вас. Мне понравилось в тот раз.

Я не нашлась, что сказать, и мы снова замолчали. Но в этом молчании вдруг стало тесно – от невысказанного, от того, что лежало